

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СЕВЕРНАЯ ПОЧТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
СЕВ. ОКР. ПРАВ
СОЮЗА
РАБОТНИКОВ
СВЯЗИ.

№ 3.

2-й год издания]
М А Р Т 1924 г.] ;
ВОЛОГДА.

В дороге.

(Из путевых впечатлений).

— Далеко ли путь дорогу-держите?—спрашивает меня, встретившийся на вокзале, один из работников Вологодского железнодорожного почтового отделения.

— Отправляюсь в Архангельск, а оттуда далее—в Онегу,—отвечаю ему.

— Да-а-а... дорога дальняя... А интересно все-же узнать—как живут там наши товарищи... Все посмотрите—и Белое море, и оленей, и медведей белых увидите...

— Разумеется, интересно... Редко только туда, по нашей бедности, заглядывать приходится, а побывать надо... Работники просят нашего представителя, ждут на собрание...

Поезд на Архангельск запаздывал отходом на два часа. Зашли в отделение. Там побеседовали с работниками. В разговорах время скоротали незаметно. Приближался час отхода поезда...

Распрощавшись, я пошел в почтовый вагон. Последний звонок, и поезд тронулся.

В вагоне кое-как устроился, приспособившись на свободное место. Почтовые вагоны, идущие по линии Москва—Архангельск, по своему оборудованию значительно хуже почтовых вагонов, курсирующих между Ленинградом и Вяткой. В последних—газовое освещение, простор, чистота, а здесь—только жалкий намек на все это.

Бригада—четыре человека, старые работники по перевозке почт. Работы много... Быстро мелькают по клеточкам письма, газеты, составляются документы, заделываются мешки.

Когда стемнело, зажгли свечи. Работы стало уже меньше—разгрузились. Начались обычные в дороге разговоры—о работе, о доходах ведомства, о жизни вообще, о работе союза...

Один из бригадных затрагивает интересующий, видимо, его вопрос.

— Наши хозяйственники-администраторы, говорит он, не совсем-то внимательны бывают иногда к союзным организациям. Разумные предложения по улучшению производства частенько так администрацией игнорируются. А, ведь, определенно надо сказать, что без участия союзных организаций и объединяемых ими членов в деле налаживания производства администрация далеко не уедет... Они этого, как-то, понять не могут... Боятся, что-ли, они наших предложений, или так уж самоуверенны, что мы не можем сметь свои суждения иметь... не считают с коллективом работников, непосредственно работающих на производстве... Не разберешься, право,—закончил он, когда мы под'езжали к станции Семигородный Монастырь.

Остановка прервала наши разговоры.

Завпред, обменивающий почту, пришел после второго звонка.

— Что это, братец, опять хотел обмен проспать?—спрашивает его старший, деловой, словоохотливый, пожилой человек.

— Да нет... вот уж неделю не сплю... все от уукра нахлобучки жду... да и необмен-то—первый за всю жизнь... какой уж тут сон... Станцию вот закрыли, сократили двух стрелочников... уменьшают, видите-ли, накладные расходы... оставили пост что-ли какой-то, а дело от этого куда хуже стало... Правильной справки о прибытии поезда не добьешься... Вот и опаздываем поэтому... Э, да уж тронулся поезд-то... прощайте...

— Прощай, да не опаздывай, смотри... Возьми в работу, кого следует, чтобы справки верные своевременно давали!—кричит вдогонку ему почтальон, смещенный в почтальоны из квалифицированных при сокращении штатов.

В вагоне опять закипела работа.

На следующей станции—Харовской почту обменивали двое. Один из них—в черной шинели со светлыми пуговицами и прочими старыми чиновничьими атрибутами, другой—в истасканном рваном пиджачишке. Первый—молодой человек, видимо, завпред—руководит обменом, указывает второму, принимающему почту.

Что-то старое, давно отжившее, так и напоминал, облачившийся в чиновное одеяние, молодой человек...

Обменивающие ушли. Поезд двинулся дальше.

Скоро мы доехали до станции Вожега.

Выхожу из вагона—встречаю знакомого завпреда, со всем „подчиненным“ своим штатом.

— Что это в такой мороз вы нараспашку пальто носите? Ведь, холодно же, простудиться можно...—обращаюсь к завпреду, улыбающемуся жизнерадостной, самодовольной улыбкой.

— На улице не простужусь... Вот в отделении, верно, простудиться можно... Там я и пальто на все пуговицы застегиваю, и шарф на шею одеваю, и уши чем либо завязываю,—нельзя иначе, мороз невыносимый... Дров-то больно мало, топим печи экономно, кредитов на дрова не обещают... А помещение предприятия—никуда не годится: ветер по всем углам ходит, разгуливает, как по Белому морю... Денег на ремонт не отпускают, другого помещения не дают... Вот и живем так... Горе, а не житье наше, откровенно скажу... А тут еще заработной платой обидят: получай, говорят, по индексу на восьмое, а по курсу на пятнадцатое и... баста! Жизнь—городской дорожке, условия работы—хуже, а платят меньше города—обижают... кровно обижают... Надо что-либо сделать окрправсвязи и цека к улучшению нашего положения. Пасынками союза живем... Ну, прощайте, вам идти, ведь, надо: звонки уж даны...

— Вопрос о заработной плате,—успокаиваю я,—новым коллективным договором должен быть разрешен в вашу пользу. Мы били в набат, выносили свои решения, писали в цека об этом не раз... Наверно, услышат наш голос... А впрочем—о нуждах своих пишите нам, что в силах сделаем... До свиданья...

И опять поехали дальше. Бригада разделилась на две смены: одна—работает, другая—отдыхает.

Устроившись на ночлег, долго беседовали со старшим. Наговорил он кучу комплиментов по адресу „Северной Почты“...

Под монотонный шум и стук поезда, я незаметно уснул.

В Архангельск приехали утром. Станция—на левом берегу Северной Двины, на правом—город.

Проезжая на извозчике через реку, встретили самоедов, умело управляющих запряженными в легкие санки, по несколько пар, быстроногими оленями, перевозившими пассажиров из города на станцию и обратно.

Архангельск, как известно, город портовый, выстроенный в новом европейском стиле, черной лентой раскинувшийся на несколько верст в длину, по правому берегу Северной Двины. Трамвайное сообщение

способствует оживлению общей жизни города. Мало только садов, бульваров и парков, так необходимых Архангельску, расположенному на болоте.

Архангельская потельконтора занимает большое трехэтажное здание в центре города. Райправсвязи находится в том же здании, расположившись, со всей своей канцелярией, в одной небольшой комнате, в третьем этаже, рядом с конторской канцелярией. В том-же помещении конторы, во втором этаже, приютилась и библиотека-читальня.

Союзная работа в Архангельске понемногу налаживается. Мероприятия райправсвязи, направленные в сторону вовлечения массы в активную союзную работу, напрасно не пропадают. Несмотря на значительное количество в штате потельконторы людей не революционизировавшихся, старых, ушедших в себя чиновников, не сделавших шага вперед во взглядах на многогранную, призывающую к новому строительству жизнь, активность членов союза, в особенности из числа молодежи, все-же увеличивается.

Работа на производстве идет „своим чередом“. Работают, как видно, по циркулярам уокра, проводят их в жизнь без всякой критической оценки тех мероприятий, которые в этих циркулярах предлагаются, своей инициативы не проявляют.

„Наше дело—в точности и аккуратно выполнять то, что приказывают, а разбираться в том, что правильно, что не правильно, или что нужно, и что не нужно—не наше дело,“—говорят в канцелярии конторы старые „спецы“, рассматривающие, повидимому, все жизненные явления и свою работу в свете учения глубоко и слепо чтимого ими мифологического Христа-Спасителя.

Такой чиновно-бюрократический подход к делу не мало вреда приносит нашему производству. Он неуместен и позорен для членов союза, обязанных активно участвовать в организации производства.

Взаимоотношения работающих в конторе рядовых работников между собою и с администрацией „большой“ и „маленькой“—чисто формальные. Товарищеской солидарности, тесного сотрудничества, на началах простых трудовых взаимоотношений и трудовой дисциплины, нет—все казенно, формально, по приказу.

Нормы рабочего времени на почте не соблюдаются. Сверхурочные отработанные часы ни деньгами, ни днями отдыха не компенсированы. Задолженность по оплате сверхурочных работ не покрыта с сентября месяца прошлого года.

Администрация конторы и райправсвязи на месте возможных мероприятий не сделали, ограничившись только сообщением об этом в окправсвязи и уокр.

Переработка, по заявлению администрации, при наличном штате изжита быть не может, будет продолжаться, вероятно, до тех пор, пока не будет выяснено—где в интересах дела можно обойтись без переработки и где—нельзя. Но сейчас этого нет:—даже „спец“ канцелярии—регистратор, ревностный, видимо, служака, и тот перерабатывает часа по четыре в день, записывая, сверхурочно, во входящий „экстренные бумаги“.

Подобные печальные явления заставляют пожелать администрации конторы и организации—большей работы в деле устранения всех этих ненормальностей.

В том-же здании, которое занимает контора, на чердаке, грязном и холодном, находится радиостанция.

Предприятие, ранее извлекавшее радиозвуковые волны, которые несутся под облаками на десятки тысяч верст, любящее простор и свободу, запрятано в грязную клетушку, где нет ни простора, ни свободы.

Знаменитая рация „Кузнечиха“ превратилась теперь в этой клетушке в развалившуюся убогую старушку. Она уже не разбрасывает по всему свету, как было раньше, своих звуков. Она только слушает своими старческими ушами чужие звуки и с трудом их принимает.

Ей не место здесь, в центре города, где работа наших-же телеграфных скородействующих аппаратов мешает слушать прием, где индукция трамвайных и других проводов „оглушает“ совсем дряхлую старушку. Ее надо „омолодить“. Ее место там—на просторе, на Кузнечихе, около высоких стальных радиотелеграфных мачт. Там она была-бы на своем месте и из развалившейся старухи вновь стала-бы сильной и молодой.

Но, как видно, хозяйственный уокр, заставивший ее состариться, и не думает исправить свою ошибку. Он решил не перемещать рацию вновь на Кузнечиху, и дорого стоящие мачты, находящиеся там, отдал в арендное пользование органам наркомпути, вместе с бывшим помещением рации.

„Вы говорите—мы не противились этому перемещению? Нет, мы горячо протестовали... Мы говорили, что станции здесь плохо будет—и по техническим и всяким другим соображениям, что надо оставить ее на Кузнечихе... но уокр с'экономить хотел, заставил переехать. Экономия-то, наверно, не оправдалась, а дело куда хуже стало“...

„Вас приглашают, уже лошади на Онегу поданы“,—сказал пришедший к концу разговора один из радистов.

Время—за полдень. В качестве сопровождающего почту почтальона, отправляюсь в дальнейший путь.

М. Ганичев.

(Окончание в следующем №).

*****

Вчерашний день помучил—
Скоробленный, день старый,
Рассеивались тучи
От беготни пожаров.

Вз'ерошились на зовы,
Приветствуя сигналы,
А мы, взломав засовы,—
Оставили подвалы...

И из сердечной стали
Воздвигли батареи:
Пусть люди умирали,
Но ведь росли идеи...

Пусть из сердец и тела
Взростали цитадели—
На даях дымно-белых
Отблески зорь алели—

Отблески революций,
Взлелеянных вчерашним...
Мир старый, ежась куцо,
Псом прятался на башни.

Мы-ж, небо амбразура,
Сердцами дней сверлили—
Где гнездышко для дури
Себе святые свили.

И, обнажая груди,
Мы души распахнули—
В симфониях орудий
Через века скакнули...

Ал. Мильчаков.